

КУЛЬТУРА, -1996. -31 авг. -С.7

Близится 200-летие Александра Сергеевича Пушкина. Согласно предъюбилейной программе реставрации и благоустройства, в Государственном музее-заповеднике "Михайловское" предстоит "интенсивный ремонт" парков. В парке Тригорского он уже ведется, да такими варварскими методами, что общественность ни на шутку встревожена. Об этом сегодня размышляют заведующая научно-просветительным отделом Пушкинского заповедника на Псковщине Валентина Иванова и хранитель дома-музея "Петровское" Борис Козмин.

Пушкин — лишний?

Валентина ИВАНОВА

Отрочество Пушкина проходило в царско-сельских садах. Приехав в Михайловское и Тригорское, он полюбил и воспел "огромный, запущенный сад, уют задумчивых дриад", "сумрак липовых аллей", "дикий садик мой"... Именно в старых пушкинских парках рождались памятные всем образы.

Радикальное вторжение в это культурно-духовное пространство или создание на его месте какого-то иного образа может привести к весьма печальным последствиям. Оно грозит изменением ноосферы пушкинского уголка.

Но сегодня нам предлагают заранее подготовиться к психологическому перелому". Речь идет о создании новодела, "цивилизованного, по меркам XX века", где вблизи исторических усадеб будут устроены во славу Поэта "сочинские стоянки" и воздвигнуты "элитные гостиницы" для особо богатых на месте старых дворянских гнезд, а также гостевые, служебные дома — сразу же за заборами исторических парков. Такова концепция нынешнего директора заповедника Г.Василевича.

Специалисты лесопаркового искусства из экспедиции московского Центрлеспроекта, под руководством которых уже вовсю идут порубки в парке Тригорского, утверждают, что в результате парк станет просторнее. В нем будет больше декоративности. Со стороны парка откроется "колоссальная перспектива на реку Сороть". Но ведь эта самая перспектива откроет и то, что было до сих пор скрыто деревьями: вид на современный железобетонный мост через Сороть со снующи-

ми по нему автомашинами, на линии электропередачи и совхозные постройки на горизонте. Одна такая деталь — и очарование прошлого мгновенно исчезает!

Для осуществления грандиозных и опасных планов по "преобразованию" заповедника к юбилею 1999 г. нынче привлекаются заезжие специалисты. И в то же время самые компетентные в этих вопросах музейные работники, стоявшие у истоков создания музея и парка в Тригорском и посвятившие три десятилетия своей жизни сохранению заповедных мест, были вынуждены покинуть их. Это Г.Ф.Симакина и А.И.Давыдов, которые уехали "под напором бездуховности", как выразился художник-реставратор Б.С.Скобелевич на международной конференции, посвященной 60-летию Пакта Рериха, в октябре минувшего года в Москве.

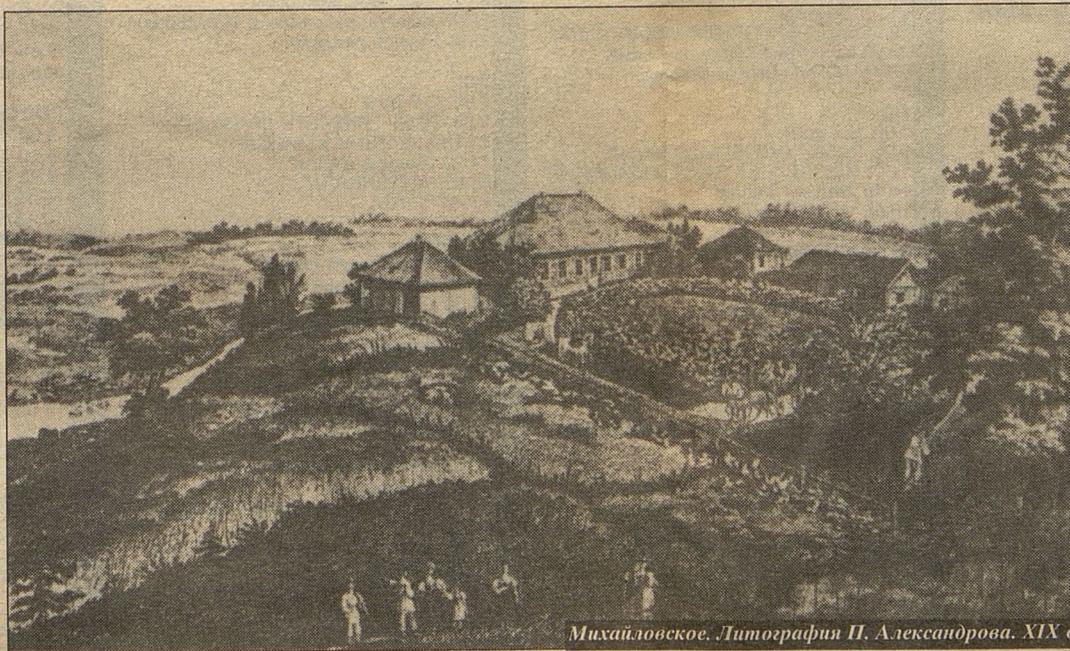
Уехали люди, которые, живя здесь, научились постигать мир образов Пушкина "изнутри", тогда как приезжий специалист рассматривает все сквозь призму собственных концепций.

Но ведь Поэт — это Вселенная, которая живет по своим законам. Поэт — это Жизнь во всем ее многообразии, не вмещающаяся в прокрустово ложе концепций. Достаточно вспомнить о том, как в "Путешествии в Арзрум" Пушкин горько сокрушался по поводу "благоустройства" Горячих Вод при их повторном посещении, когда "порядок, чистота и красота" пришли на смену очарованию былого "дикого состояния", "крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей".

А как относился к деревьям в Тригорском парке сам Пуш-

кин? В очерке М.И.Семевского "Прогулка в Тригорское" повествуется о том, как по углам насыпной горки стояли ели, под которыми леживали Пушкин и Языков; ели те были срублены по распоряжению Прасковьи Александровны (владелицы Тригорского), так как они будто бы мешали расти роскошному дубу. Пушкин жалел об этих деревьях... "Сзади же остался небольшой прудок; на берегу его стояла береза — Прасковья Александровна вздумала ее срубить, но Пушкин выпросил березе жизнь. Любопытно, что в год смерти Пушкина в березу ту ударила молния".

Пушкинский заповедник с его уникальными парками, многолетней нетронутостью деревенского ландшафта в прилегающих к нему лугам и полям, его оторванностью от мира суеты и пошлости, уединением и тишиной до сих пор был царством пушкинского духа. Однако пришли новые люди и решили, что они знают лучше, как следует снять якобы лишние покровы. А ведь эти "лишние покровы" могут оказаться важнейшими для России, для всех нас! Привнесение в заповедные места на Псковщине другого "духа", кроме пушкинского, может обернуться подлинной трагедией.

Михайловское. Литография П. Александрова. XIX в.

Наследие

ПЕНАТЫ

Синдром бульдозера

Борис КОЗМИН

Двадцать лет назад в газете "Ленинградская правда" была опубликована статья члена Общества охраны памятников истории и культуры П.Новосельского "Когда реконструкция не радует". Речь шла о драматичной судьбе северной вотчины прадеда Пушкина — А.П.Ганнибала в Суйде, о пущенном под бульдозер погосте, на котором покоился прах арапа Петра Великого. Так была "ознаменована" 280-летняя годовщина со дня рождения прадеда поэта.

Год спустя, когда гул возникшего скандала докатился и до нас, с великим энтузиазмом и надеждой поднимавших из пепла и забвения усадебный дом Ганнибалов на Псковщине в Петровском, я вместе с известным археологом и этнографом А.Д.Грачем и другими специалистами посетил печальное пепелище в Суйде. Нам удалось собрать в мешок из разрушенных склепов то небольшое, что не успели замести за собой так называемые "специалисты" по части

подобного рода реконструкций.

О тех злодеяниях заставляют вспомнить события, свершающиеся ныне — в год 300-летия со дня рождения Абрама Петровича Ганнибала — на этот раз в Пушкинском заповеднике.

Ему дарован статус особо ценного памятника культуры, а для его сегодняшних реалий все более характерным становится "синдром бульдозера", уничтожившего могилу прадеда поэта в Суйде. "Огромный, запущенный сад" Тригорского прекратил свое поэтическое существование. Все оголено сверх всякой меры. Дом Осиповых-Вульф никогда еще со времен самых печальных не казался таким потерянным и бесприютным. Подобно некоему сюрреалистическому образу, способному явиться только в бредовом сне, видится он со стороны погибающего усадебного пруда, некогда покрытого белоснежными лилиями. Горе-"спецы" так постарались, что даже в нынешний весенний паводок и при беспрерывном сбросе артезианской воды в зеркало пруда уровень его катастрофически падает.

В самом парке, который теперь с полным основанием можно назвать бывшим, дорожки превращены в непролазное месиво из грязи и ломаных корней. Догнивают в штабелях полузаросшие чурки, оставшиеся со времен сильнейшего урагана 1987 года; гниют на корню исполтинские дубы, клены и прочие отжившие свой век парковые деревья. Их почему-то не тронул топор дровосека. Зато не пощадил множество старейших маховых елей и сосен. А ведь они могли еще радовать взор паломников не одно десятилетие! Гигантские пни и хаос грязного месива, ломаных сучьев и водочных бутылок — таковы следы погрома, начавшегося нынешней весной. И это "реконструкция"?

По этому поводу вспоминается назидательная легенда. Сказывают, в 1918 году в Великолукском уезде на Псковщине был могучий пятисотлетний дуб. Красовался он в равнинной округе подобно шишкинскому на знаменитой картине "Среди долины ровныя". Но чем-то не понравился новоиспеченному совдеповскому начальнику. То ли забот других не было, то ли не терпелось поскорее насладиться властью, но решил он тот дуб спилить. Не скоро сыскались подрядчики. (Как так! Взять да и срубить эдакую красоту!) Однако все же нашлись двенадцать мужиков, которым нетрудно оказалось переступить через себя. Долго-долго мучились они с патриархом лесов, но все-таки завалили. Труд их несправедный вознагражден был сполна: все двенадцать в тот же год умерли.

Тригорское, как известно, — не одно дерево, хотя бы даже и священное. Это целый духовно-поэтический мир, ныне цинично и безжалостно погубленный.

Обозревая сотворенное в Тригорском, невозможно вызвать в душе поэтические образы Пушкина, которые оказались бы созвучны открывающемуся зрелищу. Страшно подумать, что подобная участь уготована и паркам в Михайловском и Петровском!